

**М.Н.Мосейкина, Х.А.Саравия
Бианчимано**

Патриотизм и связь с Родиной русской семьи Росликов в Уругвае

В статье на основе архивных и опубликованных материалов реконструирована судьба семьи Росликов — сектантов-христоверов, переселившихся в 1913 г. целой колонией из Воронежской губернии в уругвайский город Сан-Хавьер. В этой связи рассмотрены национальный и социальный состав переселенцев — представителей двух волн эмиграции, а также процесс их адаптации. Раскрывается патриотическая позиция семьи Росликов и всей колонии по отношению к СССР времен Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: религиозная эмиграция, Сан-Хавьер, Рослик, Лубков, Славянский комитет Уругвая.

DOI: 10.31857/S0044748X24070054

Статья поступила в редакцию 14.03.2024.

УРУГВАЙ КАК ЦЕНТР РАССЕЛЕНИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

В контексте изучения истории русской эмиграции особую актуальность приобретает тема судьбы отдельного человека, выработанных им практик адаптации к новым условиям проживания и в то же время сохранения идентичности и связей с Родиной. Данное исследование выполнено в русле так называемой персональной истории, или новой биографической истории. Как отмечает российская исследовательница Л.П.Репина, «общая установка этого направления состоит в том, что реконструкция личной

Марина Николаевна Мосейкина — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России РУДН имени Патриса Лумумбы (РФ, 117198 Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6); профессор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н.Ельцина (РФ, 620002 Екатеринбург, ул. Мира, 19, ORCID: 0000-0001-9279-4079, moseykina-mn@rudn.ru); **Хосе Антонио Саравия Бианчимано** — магистр истории, преподаватель Университета Монтевидео (Уругвай, 11600 Монтевидео, ул. доктора Пруденсио де Пена, 2544, ORCID: 0000-0001-7435-1987; joseasaravia@outlook.com).

жизни и судеб отдельных исторических индивидов... рассматриваются не только как главная цель исследования, но и средство познания того исторического социума, в котором они жили и творили, радовались и страдали, мыслили и действовали», т.е. «индивид выступает и как субъект деятельности, и как объект контроля со стороны семейно-родственной группы, круга близких, формальных и неформальных сообществ, социальных институтов и властных структур разного уровня» [1, сс. 262-268].

Обращение к персонифицированной истории и использование антропологического подхода для реконструкции биографии «маленького» человека, его внутреннего мира, стратегии выживания, мотивов репатриации является также актуальной проблемой для исследований по русской эмиграции [2; 3; 4]. В этой связи судьба семьи эмигрантов Росликов рассматривается в контексте истории формирования русской диаспоры в Уругвае, ее связей с Родиной.

Исторически сложилось несколько центров русского рассеяния в мире. Один из них располагается в Латинской Америке, где наряду с Бразилией и Аргентиной, сделавшими ставку на иммиграцию, страной — реципиентом выходцев из России стал Уругвай. Еще 10 июня 1890 г. уругвайский парламент принял закон о поощрении иммиграции. Если иммигрант, к тому же, приходил в консульство Уругвая, которое находилось в том месте, где он проживал, и заявлял о своем намерении эмигрировать, то уругвайская сторона оплачивала ему стоимость проезда и обеспечивала бесплатное проживание и питание в течение первых восьми дней после прибытия [5, р. 99]. По Конституции Уругвая семейным иммигрантам для получения гражданства необходимо было прожить в стране не менее трех лет; иностранцы без семьи должны были прожить в Уругвае пять лет.

В числе первых переселенцев в Уругвай вскоре после получения страной независимости в 1830 г. были англичане, немцы, швейцарцы, создавшие там свои колонии. Именно англичане на протяжении XIX и даже XX вв. занимали ведущие позиции в среде землевладельцев и городской буржуазии; их влияние в республике было велико (им принадлежали крупнейшие мясохладобойни, где трудились многие русские эмигранты). Иммиграция славян в Уругвай началась значительно позже, уже в конце XIX в.

Следует подчеркнуть, что в уругвайской иммиграционной статистике учитывалась не национальность, а подданство граждан, прибывавших в страну. Но совершенно очевидно, что среди них были русские, украинцы, белорусы, чехи, поляки и др. В целом, как отмечают ученые-латиноамериканисты, в Уругвае (как и в Аргентине) «иммигрантский компонент» сыграл важную роль в развитии страны, «размыл складывающуюся там после освобождения этническую общность с заметной индейской примесью, во многом определил пути этнического развития уругвайского народа», благодаря чему «Уругвай стал, самой “белой” страной Южной Америки» [6, сс. 331-332]. С полной уверенностью можно говорить о том, что в Уругвае остался и «русский след». По зарубежным источникам к началу 1900 г. в эту страну из Российской империи прибыли 2,9 тыс. человек; в 1911—1920 гг. — еще 4,5 тыс. [7, с. 314].

Что касается внешней миграции в страны Латинской Америки, то после революционных событий и Гражданской войны, происходивших в России, она продолжилась — в меньшей степени из самой России, в большей — с территорий, которые раньше входили в ее состав, в частности, из буржуазной Литвы, Западной Украины и Западной Белоруссии. За океаном также в этот период образовалась большая диаспора армян, спасавшихся от геноцида.

Социальный и политический состав эмигрантов, прибывших в Уругвай из постреволюционной России, был неоднородным. В уругвайской статистике зафиксирован спектр профессий эмигрантов из России. Например, среди 62 русских, переселившихся в Уругвай через порт Монтевидео в 1922 г., помимо сельскохозяйственных рабочих были моряки, портные, домашняя прислуга, врачи, техники, инженеры и др. Средний возраст прибывших составлял 35 лет [8].

Что касается политической части эмигрантов этой волны, то тут речь, прежде всего, шла о представителях белого движения и казачества, бежавших из Крыма. Прежде, чем оказаться в Уругвае, им пришлось проделать длинный путь из турецких лагерей, находившихся на островах Лемнос и Галлиполи, через Аргентину. В Уругвае они создали «Русское общество взаимопомощи в Уругвае», «Русский дом» (центр культурной жизни белоэмигрантов), «Казачий центр» (включавший представителей кубанского войска, а также донцов, терцев, уральцев). Первое время многим приходилось становиться чернорабочими. Те, кто перебирался в сельскую местность (главным образом казаки), заводили хозяйство, разводили породистых лошадей, занимались ремеслами. Среди них были и довольно известные личности, например, сын казака Георгий Чеботарев (1909—1984 гг.) — выдающийся географ, биолог, автор целой серии научных публикаций и учебников по географии. Заслуги этого русского были высоко оценены в Уругвае: в его честь была выпущена почтовая марка; его имя носят одна из улиц Монтевидео и школа в районе Серро [9, с. 74].

Вместе с тем нельзя не отметить, что в 1920—1930-е годы многие латиноамериканские страны, включая Уругвай, стремились ограничить так называемую плохую иммиграцию. На страницах местной газеты *La Tribuna Popular* отмечалось, что Уругвай нуждается в «сильном, здоровом, трудолюбивом и прогрессивном населении, и решительно избегает того, чтобы допускать в страну плохую иммиграции, будь то физически неспособные или полуспособные, те, кто приезжает не работать, а попрошайничать, или распространяет инфекционные заболевания, и те, которые, не являясь явно вредными, представляют собой все же менее ценные этнические элементы» [10, р. 3]. В 1930 г. на страницах той же газеты речь шла о предложении ввести ограничения на иммиграцию в связи с экономическим кризисом, безработицей и голодом, постигшими страну, а также налог на визы и паспорта, чтобы ограничить поток желающих эмигрировать в Уругвай [11, р. 1]. В соответствии с положениями нового закона, принятого в сентябре 1932 г., иностранцам (даже если они обладали гражданством), совершившим преступления, лицам без постоянной занятости, а также людям с девиантным поведением въезд в страну был запрещен, или таковые подлежали высылке [5, р. 96].

РУССКАЯ КОЛОНИЯ Г. САН-ХАВЬЕР

Уругвайское правительство с самого начала делало ставку на развитие сельского хозяйства и, соответственно, было заинтересовано в формировании переселенческих колоний, прежде всего, на неосвоенных землях. Так, в 1913 г. на границе с Аргентиной появилась колония переселенцев из России численностью в 1300 человек, которые основали небольшой город Сан-Хавьер. Это были сектанты из Воронежской губернии — представители секты «хлыстов» («христоверов»), или секты «Новый Израиль», как иногда ее называли основатели, считавшие себя «избранным народом Божиим», каковым некогда в Ветхом Завете считались израильтяне [12]. Духовным лидером прибывших в Уругвай христоверов вплоть до возвращения в Советскую Россию в 1925 г. был уроженец Воронежа Василий Семенович Лубков. После отъезда своим преемником в колонии он официально назначил сподвижника и друга Андрея Пояркова, который оставался духовным лидером новоизраильтян вплоть до своей смерти в 1950-х годах. В составе религиозной колонии Сан-Хавьера оказалась и многодетная семья Росликов: муж Михаил (Мигель), его супруга Каталина Бычкова и четверо детей — Наталья, Мигель, Александра и Мария-Елена. 14 мая 1941 г. в семье родился Владимир, детство и отрочество которого также прошло в местном поселке.

Адаптация прибывавших в Уругвай иммигрантов из России и их влияние на общество, в которое они влились, происходило путем включения в социально-экономическую жизнь. Лубковцы многое сделали для освоения территории, занимаясь сельским хозяйством. Для успешного ведения хозяйства они создали кооператив, который долгие годы был примером в регионе [13, р. 25].

Важна была и социокультурная адаптация переселенцев. В сентябре 1914 г. здесь была открыта народная школа, где дети (днем) и взрослые (вечерами) изучали испанский. Появился в поселке и свой кинотеатр; известные театральные труппы того времени играли в Сан-Хавьере в *Cine Teatro Pobieda* (кинотеатр «Победа», как стал называться этот зал) свои постановки. Сегодня это *Sala Cultural Pobieda* — Культурный центр «Победа», в котором находятся Музей иммигрантов, публичная библиотека и центр доступа к информационным ресурсам [14, р. 8].

Следует отметить, что члены общины, вынужденные покинуть Родину, никогда о ней не забывали, о чем свидетельствуют факты двух волн репатриации в СССР из Сан-Хавьера в 1920-е, а затем в 1950-е годы. В период проведения Новой экономической политики (НЭП) и восстановления экономики советские руководители приветствовали возвращение на Родину соотечественников, изъявивших желание заниматься сельским хозяйством. В их число входили и представители общины Сан-Хавьера, репатриировавшиеся в 1925—1926 гг. в СССР и расселенные в Сальском и Целинском районах Ростовской области (всего 260 человек во главе с В.С.Лубковым). Им предоставили земли, денежный кредит и определенную самостоятельность в деле организации своего хозяйства. В результате появился сельскохозяйственный кооператив, который потом стал колхозом, а поселок получил название Красный Октябрь [15, с. 74].

Важно отметить, что поселившиеся в СССР новоизраильтяне находились в переписке с теми, кто оставался в далеком Уругвае. В частности, американский исследователь Сергей Петров обнаружил письма, которые в марте 1927 г. писал Михаил Забелин (в свое время был бухгалтером колонии Сан-Хавьер и выполнял похожие обязанности в общине по возвращении в Россию). В письмах Забелин делился своими впечатлениями, старался отразить «оптимистическую атмосферу» в колонии в надежде на прибытие «следующих групп переселенцев из Уругвая». Ведь перед отъездом лично Лубков заверял советских чиновников в том, что за ними последуют и другие «американцы», а с ними — и «должное количество машин из Америки» [16, с. 136]. Однако по ряду причин эти обещания так и не были выполнены, а последовавший отказ от НЭП и курс на полную коллективизацию в СССР привели к ликвидации созданных сектантами хозяйств и к репрессиям, которым подверглись в 1937 г. Лубков и некоторые его сподвижники.

О трудностях жизни сектантов, вернувшихся в СССР, свидетельствует еще одно письмо, обнаруженное авторами данной статьи в Национальном архиве Уругвая. Это было коллективное письмо от группы реэмигрантов из России, направленное в адрес представителя исполнительной власти страны Бальтасара Брума. В нем авторы информировали, что некоторые колонисты вернулись в Уругвай, другие разбрелись по разным частям России, а некоторые были арестованы. Сообщалось, что один из авторов письма был арестован за принадлежность к религиозной молодежной группе. «Это дало повод, — сообщал один из авторов письма, — обвинить меня в том, что я организовал ее против атеистически настроенной коммунистической молодежи... При этом суд не требовал никаких доказательств моей причастности к... антикоммунистам... так как достаточным доказательством служило то, что я принадлежал к религиозной секте». По приговору суда автор письма был заключен под стражу на два года «с суровой изоляцией и другими ограничениями гражданских прав на четыре года». Далее в письме сообщалось, что все колонисты хотели вернуться в Уругвай, но «у них не было свободного прохода через границу, так как их уругвайское гражданство не признавалось». По этой причине авторы письма обращались к уругвайскому правительству с просьбой вмешаться в этот вопрос в качестве посредников в переговорах с советским руководством [17, pp. 129-130].

В то же время в целях сохранения коллективистского духа жители Сан-Хавьера после отъезда в Россию их лидера В.Лубкова приняли решение о создании 2 мая 1930 г. местного кооператива, который функционировал как финансовая, коммерческая и промышленная организация. В результате совместной деятельности жителей поселка там появились магазины, бар, базар и т.д. Иммигранты из Сан-Хавьера вместе с русским поселенцами из колонии Офир внесли заметный вклад в экономику запада Уругвая посредством развития сельского хозяйства. Русские экспериментировали с различными видами пшеницы, инициировали возделывание подсолнечника. В Сан-Хавьере существовал маленький маслозавод, благодаря работе которого уругвайцы стали использовать в пищу подсолнечное, а затем и льняное масло. Была своя мукомольная мельница. Порт, построенный на реке

Уругвай для отгрузки зерна, активно работал вплоть до 1940 г.; позднее из-за сокращения производства зерновых его эффективность заметно снизилась [18, р.46]. К концу 1960-х годов в Сан-Хавьере уже сформировалась зона колонизации с более чем 1500 жителями, которые продолжали ощущать (уже новое поколение) свою связь с Россией.

Особенно чувство Родины проявилось у части русских эмигрантов в годы Великой Отечественной войны, когда многие довольно остро восприняли произошедшее. Осенью 1941 г. под влиянием обращения Первого всеславянского митинга, состоявшегося в Москве, в столице Уругвая был создан Русский комитет «За Родину»; в начале 1942 г. — антифашистский Координационный комитет славянских организаций (с 1943 г. — Славянский союз Уругвая), которые оказывали финансовую и материальную помощь советским солдатам [19, сс. 200-201]. В эти же годы в Сан-Хавьере были сформированы Комитет помощи Советскому Союзу и Клуб имени Максима Горького, через которые в СССР для бойцов Красной армии пересылалось немало полезных вещей. В апреле 1943 г. в Монтевидео был проведен первый Славянский континентальный конгресс антифашистских сил.

СЕМЬЯ РОСЛИКОВ И ЕЕ СВЯЗИ С СССР

Иммигранты из Сан-Хавьера, основным занятием которых была работа на земле, имели ограниченные контакты с русской постреволюционной иммиграцией и держались подальше от различных политических (прежде всего коммунистических идей). Тем не менее, как показала практика, эти идеи активно проникали в среду трудовой эмиграции латиноамериканских стран, вызывая солидарные действия с компартиями стран-реципиентов, Коминтерном и СССР.

Так и глава семьи Росликов — Михаил, в годы Второй мировой войны являвшийся активистом движения солидарности с СССР, членом Славянского союза Уругвая, с которым уже после войны и в результате закрытия властями Славянских союзов Бразилии и Аргентины поддерживал прямую связь Всеславянский комитет в Москве. Михаил Рослик стал председателем правления Культурного центра имени Максима Горького в Сан-Хавьере, который и сегодня существует как центр культурной жизни поселка.

В 1945 г. на базе Общества культурных связей с СССР, созданного в 1938 г., был основан Уругвайско-советский институт культуры, с 1947 г. — Культурно-просветительный центр им. М.Горького, в который входили более 500 человек. При содействии советской миссии в самый разгар холодной войны здесь открылись курсы русского языка, которые работали на протяжении 24 лет, а также хоровой, драматический и музыкальный кружки, школа народных танцев [9, р. 145]. Был даже специальный кружок по изучению государственного устройства и истории СССР. Еженедельно сотрудники культурного центра проводили получасовую радиопередачу на русском языке через одну из широкоэмитательных радиостанций г. Монтевидео, чего не делалось ни в одной из стран Латинской Америки.

Через демонстрацию кинофильмов, чтение лекций, празднование юбилейных для Советского Союза дат центр занимался пропагандой советского образа жизни, культуры СССР. В сентябре 1947 г. объединенными силами общеславянского Культурного центра им. М. Горького, просоветской литовской организации *Lituane Libre* и представителей армянской диаспоры был проведен фестиваль, посвященный Дню советской культуры в Уругвае [20].

В 1952 и 1955 гг. делегация Славянского союза Уругвая посещала Советский Союз, а в марте 1956 г. уже представители Славянского комитета СССР (как стал называться Всеславянский комитет после войны) приняли участие в работе XIII Славянского конгресса стран Латинской Америки в Монтевидео. В те же годы трое активистов Славянского союза Уругвая были направлены в СССР на учебу в педагогическое училище им. К. Ушинского (по специальности «Русский язык») и в училище Большого театра (по классу народного танца) [19, с. 333].

Изменившаяся после смерти И.В. Сталина ситуация в СССР привела к зарождению второй волны репатриации из стран Латинской Америки и, в частности, из Уругвая в СССР вернулись председатель Славянского союза Уругвая Михаил Левичарский, его ответственный секретарь, редактор газеты *Vos eslava* Станислав Цихона. Из Сан-Хавьера часть колонистов также переселилась на юг России — в Ставропольский и Краснодарский края, в Кабардино-Балкарскую АССР. Сюда, в предгорья Эльбруса, переехала и одна из дочерей Росликов Александра.

СУДЬБА ВЛАДИМИРА РОСЛИКА И ПАМЯТЬ О НЕМ В УРУГВАЕ

Семья Рослика приняла решение отправить младшего сына на учебу в Москву, в открывшийся в 1960 г. Университет дружбы народов (в те годы существовали специальные квоты для обучения детей эмигрантов). В августе 1962 г. Владимир Рослик стал студентом медицинского факультета Университета дружбы народов (с 1961 г. — им. Патриса Лумумбы). Стипендию на обучение в СССР он получил через советское посольство и Уругвайско-советский институт культуры. «В Москве Володю переполняют впечатления: от новых знакомств, столичных музеев, в целом от России, являющейся Родиной его родителей» [9, с.186]. По воспоминаниям однокурсников Владимир много и прилежно учился, дважды выезжал на отдых в Сочи. Он встречался и со своей сестрой Александрой и племянниками. Во время летних каникул, как и многие иностранные студенты, работал в составе интернационального студенческого отряда в колхозе, летом 1964 г. — на целине, за что был награжден почетным знаком ЦК ВЛКСМ «Молодому ударнику производства».

По окончании обучения в Москве В. Рослик вернулся в родной Сан-Хавьер, где устроился работать врачом, женился на Марии Забалкиной. Местные жители высоко ценили его как специалиста и любили как отзывчивого молодого человека, готового всем прийти на помощь. Владимир часто бесплатно оказывал медицинскую помощь, возил на собственной машине пациентов в больницу ближайшего города Пайсанду. Спустя некоторое время, В. Рослик стал руководителем (как в свое время его отец)

Культурно-просветительского центра им. М. Горького, который продолжал поддерживать контакты с российским посольством и проводить культурно-просветительские мероприятия внутри колонии. Факт этой деятельности и учеба в СССР послужили поводом для его преследований в годы военной диктатуры, установившейся в 1973 г. в Уругвае. Рослика дважды арестовывали. После первого ареста в 1973 г. с обвинениями, что «он — не коммунист, но председатель коммунистического клуба» и затем освобождения, Владимир был вынужден подать в отставку с поста президента Культурного центра [9, с. 187]. Второй раз в апреле 1984 г. он был задержан у себя дома в рамках проведения группой военных крупной операции по борьбе с подрывной деятельностью. Рослика задержали на основании ложного обвинения в том, что он якобы был главарем банды, которая занималась незаконным ввозом оружия и планировала вторжение в страну по реке Уругвай из Аргентины [9, р. 177].

В. Рослик в возрасте 35 лет скончался в тюрьме в результате пыток. Это неопровержимо доказала проведенная впоследствии экспертиза, хотя военные сделали все возможное, чтобы вскрытие не стало достоянием общественности. Но благодаря работе группы журналистов еженедельника *Jaque* тайну сохранить не удалось [13, pp. 181-184]. Во время похорон в присутствии людей со всей страны священник, который руководил церемонией, призывал: «Помолимся за Владимира Рослика, который был насильственно убит» [21, р. 2].

Через несколько часов после того, как *Jaque* опубликовал информацию о причинах кончины Рослика, диктаторское правительство признало факт смерти доктора Рослика. Последовало наказание виновных: были арестованы и привлечены к ответственности подполковник Марио Оливера и майор Серхио Каубаррере. Одному из них было предъявлено обвинение в «умышленном убийстве», а другому — в «служебных нарушениях» [22, р. 21].

Смерть В. Рослика вызвала резонанс не только в уругвайских газетах, но и в международных СМИ. Например, газеты *Mundo Latino* в США и *Bohemia* на Кубе опубликовали эту новость. В статье, напечатанной в *Bohemia*, говорилось, что смерть Рослика «при подозрительных обстоятельствах и в особенно деликатный политический момент для диктатуры снова вывела на первый план тему злоупотреблений, совершенных этой диктатурой на протяжении последних десяти лет, и вызвала серьезную обеспокоенность в различных кругах страны» [23]. В октябре 1984 г. Комиссия по правам человека Организации американских государств (*Organización de los Estados Americanos, OEA*) приняла резолюцию, в которой вся ответственность за смерть доктора Рослика возлагалась на уругвайское правительство. Данный факт классифицировался как «грубое нарушение статей I, IX, XVIII и XXV Межамериканской декларации о правах и обязанностях человека» [9, с. 190].

Дело Рослика продемонстрировало нечто более важное, чем тот факт, что вооруженные силы систематически нарушают права человека, а затем безнаказанно искажают произошедшее. Они почти 11 лет скрывали правду. Этот эпизод фактически окончательно делегитимизировал авторитарное правление в глазах той части общества, которая поддерживала его.

Вскоре после смерти В.Рослика, в мае 1985 г., его вдова Мария Рослик-Забалкина основала Фонд им. Владимира Рослика, средства которого формировались главным образом из пожертвований жителей Сан-Хавьера и направлялись на реализацию культурных и социальных проектов в городе. Так, на купленном семьей участке земли была построена поликлиника, которая сегодня успешно работает. М.Рослик-Забалкина открыла также дом престарелых, а позднее — лицей и школу.

По случаю 25-й годовщины со дня смерти В.Рослика в 2009 г. одной из площадей г. Монтевидео было присвоено имя русского врача. Тогда же была выдвинута инициатива провозгласить 16 апреля в Уругвае Национальным днем борьбы с пытками. В столице открылись также детский парк и участок автодороги, ведущей из г. Сан-Хавьера в г. Пайсанду, получившие имя В.Рослика. Благодаря этим событиям имя В.Рослика и всей его семьи сохраняется в коллективной памяти уругвайцев. В 2017 г. вышел документальный фильм под названием «Рослик и деревня подозрительных русских» режиссера Хулиана Гойоаги, в котором прозвучало интервью вдовы и сына Валерия, и тем самым была отдана дань уважения врачу, который умер под пытками военной хунты. Рослик стал для уругвайцев символом сопротивления военной диктатуре [24].

Сегодня население Сан-Хавьера составляет чуть меньше 2 тыс. человек. Большинство из них — потомки русских эмигрантов. Очевидцы описывают санхавьерцев так: «Они — добропорядочные граждане своей страны, оставили религию своих предков. Но при этом гордятся историей своих прадедов и собирают информацию о России. Во многих домах бережно хранятся привезенные из России старинные прялки и утюги, ставшие уже предметом антиквариата. Сохранились кулинарные традиции: в каждой семье пекут пироги, варят борщи, готовят вареники. Полакомиться солеными огурцами, приготовленными по старинному рецепту можно только в Сан-Хавьере» [25].

При этом местные жители, большая часть из которых уже не говорит по-русски, пытаются сохранить память о культуре предков, проводя фольклорные праздники, организовывая курсы русского языка, кружки русского народного танца. Особо ценным является их вклад в историко-мемориальную деятельность. Ярким примером этого стало открытие в Сан-Хавьере Музея иммигрантов. Здесь есть улица, которая называется «Воронежская область», продолжает свою работу Культурный центр им. М.Горького.

В 1998 г. школе-лицею в Сан-Хавьере было присвоено имя Валентины Поярковой де Дьегес. Авторам статьи удалось обнаружить документ — закон № 16.924, принятый совместно Сенатом и Палатой представителей Восточной Республики Уругвай 17 марта 1998 г. и опубликованный 1 апреля 1998 г., о присвоении лицю г. Сан-Хавьер имени Валентины Поярковой де Дьегес [26]. Интересна история этого лицея, который был создан 10 мая 1958 г. по инициативе местных жителей, заинтересованных в том, чтобы их дети продолжали учебу и получали среднее образование на бесплатной основе. В числе основателей лицея была и педагог В.Пояркова де Дьегес (преподавала рисунок и музыкальную культуру), которая с некоторыми перерывами с 1960—1983 гг. была директором данного учебного за-

ведения. Именно в этот период была приобретена земля, и начинался сбор средств на строительство собственного здания (до этого учебное заведение располагалось в частном доме, а потом — в школе).

В связи с 50-летием лица в 2008 г. и по поводу присуждения ему имени Валентины Поярковой де Дьегес его тогдашний директор Роза Сара Паласио так оценивала заслуги своей предшественницы: «Очень справедливая номинация, отличная дань уважения тем, кто посвятил свою жизнь воспитанию молодежи. И... я хочу сказать о нашей предшественнице, нашем учителе ... которая всегда была рядом со своими учениками, когда они нуждались в ней ... она была отличным лидером... Из этого учебного заведения вышли студенты, которые преуспели в разных областях, сегодня они профессионалы — врачи, инженеры, государственные служащие» [27]. Символично, что в числе первых обучавшихся («студентов — основателей лицея», как их называет Р.С.Паласио) были трое молодых людей из семьи Росликов, включая будущего врача Владимира.

Обращение к новой биографической истории в контексте Русского зарубежья позволило показать исторические личности в широком пространственно-временном промежутке, затрагивающем не только место и время, в которых они жили, но и в котором сохранялась социальная и культурная память о них. Проведенное исследование показало, как в судьбе Владимира Рослика и его семьи отражались переломные моменты истории, возникали и реализовывались новые практики взаимодействия с СССР/Россией, воспитывалось и сохранялось чувство патриотизма, уважения и любви к исторической родине и той стране, откуда родом были предки. Имя В.Рослика, как и имена ряда его соотечественников, навсегда вписаны в историю Уругвая, что свидетельствует о сохранении исторической памяти о судьбах Русского мира и его представителях в странах далекого латиноамериканского континента.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Репина Л.П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти. *Сотворение истории: человек-память-текст*. Казань, Мастер Лайн, 2001, сс. 344-360. [Repina L.P. Personal'nye teksty i «novaya biograficheskaya istoriya»: ot individual'nogo opyta k sotsial'noi pamyati [Personal texts and the 'new biographical history': from individual experience to social memory]. *Sotvorenie istorii: chelovek-pamyat'-tekst*. Kazan', 2001, pp. 344-360 (In Russ.).]
2. Бочарова З.С. Человек, наделенный «живым видением действительности» (Судьба В.Б.Ельясевича). *Электронный научно-образовательный журнал "История"*. М., 2022, т. 13, № 7 (717) [Bocharova Z.S. Chelovek, nadelennyi «zhivym videniem deistvitel'nosti» (Sud'ba V.B.El'yashevicha) [A man endowed with a “living vision of reality” (The Fate of V.B.Eliashevich)]. *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya"*. Moscow, t. 13, N 7 (717).
3. Кротова М.В., Петин Д.И. Судьба харбинской репатриантки в зеркале антропологии: Людмила Абрамова (1914-2002). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России*, М., 2023, т.22, №1, сс.110-124. [Krotova M.V., Petin D.I. Sud'ba kharbinskoi repatriantki v zerkale antropologii: Lyudmila Abramova (1914-2002) [The Fate of a Harbin Repatriate in the Mirror of Anthropology: Lyudmila Abramova (1914-2002)]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*, Moscow, 2023, t.22, N 1, pp. 110-124 (In Russ.).]
4. Мосейкина М.Н. Павел Петрович Шостаковский: жизнь и судьба эмигранта. *Россия и современный мир*, М., 2013, № 4(81), сс. 194-202. [M.N.Moseikina. Pavel Petrovich Shostakovskiy: zhizn' i sud'ba emigranta. *Rossia i sovremennyy mir*, M., 2013, № 4(81), сс. 194-202.

- kovskii: zhizn' i sud'ba emigranta [Pavel Petrovich Shostakovsky: life and fate of an emigrant]. *Rossiya i sovremennyy mir*, Moscow, 2013, N 4(81), pp.194-202. (In Russ.).
5. Sandonato de León P. Nacionalidad y extranjería en el Uruguay. Un estudio normopolítico. *Revista de Derecho*. Montevideo, 2008, N 3, pp.177-243.
6. Хорошаева И.Ф., Нитобург Э.Л. (Отв. ред.). Этнические процессы в странах Южной Америки. М., Наука, 1981, 532 с. [Khoroshaeva I.F., Nitoburg E.L. (Otv. red.). Etnicheskie protsessy v stranakh Yuzhnoi Ameriki [Ethnic processes in South American countries]. Moscow, Nauka, 1981, 532 p. (In Russ.).]
7. Кабузан В.М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719—1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., Рус.-Балт. информ. центр "БЛИЦ", 1996, 347 с. [Kabuzan V.M. Russkie v mire: Dinamika chislenosti i rasseleniya (1719—1989). Formirovanie etnicheskikh i politicheskikh granits russkogo naroda. [Russians in the World: Dynamics of Population and Settlement (1719-1989). Formation of ethnic and political boundaries of the Russian people]. Saint Petersburg, 1996, 347 p. (In Russ.).]
8. Archivo General de la Nación, sede histórica. Fondo de archivos administrativos. Caja «Puerto de Montevideo. Entrada ultramar». 1922.
9. Белов Д., Бойко де Семка В., Кириченко К., Семикина А., Санина О., Флегинский С. *Русские в Уругвае: история и современность*. Montevideo, 2009, 227 с. [Belov D., Boiko de Semka V., Kirichenko K., Semikina A., Sanina O., Fleginskii S. Russkie v Urugvae: istoriya i sovremennost'. [Russians in Uruguay: History and present day]. Montevideo, 2009, 227 p. (In Russ.).]
10. *La Tribuna Popular*. Selección de inmigrantes. Montevideo, 28.01.1925.
11. *La Tribuna Popular*. Restricciones a la inmigración. Montevideo, 24.12.1930.
12. Булгаков С.В. Новый Израиль, или Лубковцы. [Bulgakov S.V. Novyi Izrail', ili Lubkovtsy. [The New Israel, or the Lubkovites]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Bulgakov/spravochnik-po-eresjam-sektam-i-raskolam/133 (accessed: 02.05.2023) (In Russ.).]
13. Martínez V. Los rusos de San Javier. Montevideo, Ediciones de la Banda Oriental, 2013, 336 p.
14. Municipio de San Javier, Agenda municipal de cultura 2018-2019, Río Negro, Dirección de Descentralización e Inversión Pública. Oficina de Planeamiento y Presupuesto. Available at: <https://www.opp.gub.uy/sites/default/files/documentos/2019-08/San%20Javier.pdf> (accessed 05.05.2023).
15. Петров С.В. Южноамериканский Израиль: предварительные результаты полевых исследований в русской колонии Сан-Хавьер в Уругвае. *Религиоведческие исследования*, М., 2010. № 3–4, сс. 66-84. [Petrov S.V. Yuzhnoamerikanskii Izrail': predvaritel'nye rezul'taty polevykh issledovaniy v russkoi kolonii San-Khav'er v Urugvae [South American Israel: preliminary results of field research in the Russian colony of San Javier in Uruguay]. *Religiovedcheskie issledovaniya*, Moscow, 2010, N 3–4, pp. 66-84. (In Russ.).]
16. Петров С.В. Переписка между кооперативным хозяйством новоизраильтян на Северном Кавказе и их общиной в Уругвае (1927 г.). *Studia Religiosa Rossica: научный журнал о религии*. М., 2019, № 1, сс. 133-149. [Petrov S.V. Perepiska mezhdru kooperativnym khozyaistvom novoizrail'tyan na Cevernom Kavkaze i ikh obshchinoi v Urugvae (1927 g.) [Correspondence between the New Israel co-operative farm in the North Caucasus and the New Israel community in Uruguay in 1927]. *Studia Religiosa Rossica: nauchnyi zhurnal o religii*. Moscow, 2019, N 1, pp. 133-149 (In Russ.).]
17. Archivo General de la Nación, sede histórica. *Consejo Nacional de Administración*. Registro de actas. T.II, Acta 62, 28 de abril de 1930.
18. Vidart D., Pi Hugarte R. El legado de los inmigrantes. Segunda parte. Nuestra Tierra. Montevideo, 1969, 64 p.
19. Мосейкина М.Н. «Рассеяны, но не расторгнуты»: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920—1960 гг. М., Изд-во РУДН, 2011, 384 с. [Moseikina M.N. «Rasseyany, no ne rastorgnuty»: russkaya emigratsiya v stranakh Latinskoi Ameriki v 1920—1960 gg. [‘Dispersed but not dissolved’: Russian emigration in Latin America 1920-1960]. Moscow, Izd-vo RUDN, 2011, 384 p. (In Russ.).]
20. Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 0133, оп.15. п.№105, д.10, л.18. *AVP RF* [Archive of the foreign policy of the Russian Federation]. F.0133, op.15, st.105, fold.10, p.18.
21. Oremos por el alma de Vladimir Roslik que murió asesinado. *Jaque*. Montevideo. 27.04.1984.
22. Santín Meléndrez J. El caso Roslik. Montevideo, Aguilar, 2022, 240 p.

23. Las maniobras de la dictadura. *Bohemia*. Habana, 27.04.1984. Available at: <https://sitiosdememoria.uy/prensa/1558> (accessed: 07.07.2022).

24. Sitios de memoria Uruguay. Roslik y el pueblo de las caras sospechosamente rusas. 2017. Available at: <https://sitiosdememoria.uy/recurso/1138> (accessed: 14.06.2022).

25. История одной фотографии. [Istoriya odnoi fotografii [The story of one photograph]. Available at: <https://szhaman.livejournal.com/122747.html?ysclid=llp1nexg3n198714500> (accessed: 14.05.2022) (In Russ.).

26. Ley N 16.924, Montevideo, 25 de marzo de 1998, Poder Legislativo. Available at: <https://docs.uruguay.justia.com/nacionales/leyes/ley-16924-mar-25-1998.pdf> (accessed: 14.06.2022).

27. Palacio R.S. Reseña Histórica del Liceo “Prof. Valentina Poiarkov de Diéguez”. 19.06.2008. Available at: <http://museodelosinmigrantes.blogspot.com/2008/06/> (accessed: 01.06.2022).

Marina N.Moseykina (moseykina-mn@rudn.ru)

Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Miklukho-Maklay str., 6 117198 Moscow, Russian Federation

Professor of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin

Mira str., 19, 620002 Yekaterinburg, Russian Federation

J.A.Saravia Biancimano (joseasaravia@outlook.com)

Master of History, Lecturer at the University of Montevideo

Dr. Prudencio de Pena str., 2544, 11600 Montevideo, Uruguay

Patriotism and connection with the Homeland of the Russian Roslik family in Uruguay

Abstract. Based on archival and published sources, this article reconstructs the fate of the Roslik family — a group of sectarian Christians who resettled as a whole colony from the Voronezh province to the Uruguayan city of San Javier in 1913. In this context, the national and social composition of the migrants, representing two waves of emigration, is presented, along with an examination of the adaptation process. The patriotic stance of the Roslik family and the entire colony towards the USSR during the Second World War is elucidated.

Key words: religious emigration, San Javier, Roslik, Lubkov, Slavic Committee of Uruguay.

DOI: 10.31857/S0044748X24070054

Received 14.03.2024.